

определенной этнической средой и признание им единства италийского архитектурного опыта.

Примером того, что и в области изучения этрусского искусства все еще существует возможность для самых парадоксальных утверждений, служит работа Энкинга, которая пытается отнести поздние этрусские памятники, обычно определяемые как эллинистические и датируемые III—II вв. до н. э., к эпохе империи, даже ко времени Константина. Бьянки Бандинелли убедительно раскрывает абсурдность аргументации Энкинга¹, но его рецензия на данную работу оставляет впечатление, что автор впадает в противоположную крайность, вообще отвергая наличие преемственности между этрусским и римским искусством².

Н. Н. Залесский

A. AYMARD ET J. AUBOYER. *Rome et son empire* («Histoire generale des civilisations», т. II), P., 1954, 783 стр.

Второй том «Всеобщей истории цивилизаций» вышел из-под пера двух уже известных советскому читателю авторов: Андре Эймара и Жаннины Обуайе, которыми написан и первый том в этой же серии³.

Построение рецензируемого тома не совсем обычно. В предыдущих французских сериях «Peuples et civilisations» Альфана и Саньяка и «Histoire générale» Глоца главное внимание уделялось политической и культурной истории древнего Рима. Социально-экономические отношения были отодвинуты на задний план. В работе А. Эймара и Ж. Обуайе нет последовательного изложения политической истории. В очень живой, увлекательной и доступной форме в книге рассказывается о состоянии римского общества и государства в различные исторические периоды. Авторы имеют, очевидно, в виду, что элементарный курс римской политической истории читателям уже известен. Их задача состояла в том, чтобы представить принципы и результаты деятельности создателей крупнейших западных цивилизаций — этрусков, галлов, карфагенян и, главным образом, римлян (стр. 7). Данный том является как бы реакцией на бесчисленное множество книг, в которых доминирует давно всем известная политическая история римского государства. Обращает на себя внимание стремление авторов как можно полнее осветить социально-экономическую жизнь (стр. 136—175; 304—353; 530—551; 594—600; 631—636; 654—677), на обширном археологическом материале показать торговые и культурные связи народов Запада и Востока (стр. 307—313; 612—626). Привлекает внимание трактовка «рах гошана» как вооруженного, насильственного мира (стр. 248—253). Важно отметить, что автор (А. Эймар) стремится отыскать экономические причины, которые привели к кризису III в. в Риме, указывая на то, что «экономический кризис — главный фактор общественных перемен» (стр. 471). Большие разделы отведены истории культуры.

В предисловии к первому тому авторы с полным правом и основанием отвергли принцип изучения истории лишь выдающихся народностей и государств древности

¹ R. E n k i n g, *Datierung und Motive der spätetruskischen Kunst*, «Archäologischer Anzeiger», 1948—49, стр. 183 слл.; ред. R. B i a n c h i B a n d i n e l l i, SE, XXI, стр. 485 слл.

² Доклад проф. Бьянки Бандинелли 11 мая 1956 г. в Эрмитаже вполне подтверждает такое заключение, поскольку докладчик взял под сомнение даже портретность этрусского искусства, которая, в соответствии с обычной точкой зрения, является источником римского портретного мастерства.

³ См. рецензию И. С. С в е н ц и ц к о й на I том «Histoire générale des civilisations», ВДИ, 1955, № 4.

и призвали к исследованию всех стран и племен, которые также внесли свой вклад во всеобщую историю человечества: «каждый народ по-своему мудр». Во II томе имеются главы, посвященные истории этрусков, кельтов и галлов, карфагенян. Особый раздел отведен истории Восточной Азии (главным образом Индии и Китая). Книга хорошо иллюстрирована. Заслуживает внимания приложенная в конце тома синхронистическая таблица, содержащая даты основных событий на Западе, Ближнем Востоке, в Индии, Китае, а также в Японии и Корее.

II том «Истории цивилизаций», несомненно, может привлечь к себе внимание рядового читателя яркой формой изложения, оригинальностью построения, свежестью использованного археологического материала и обобщающими выводами в конце разделов и в конце книги. Однако, чтобы дать всестороннюю оценку данного тома, необходимо обратиться к исторической концепции его авторов и к разбору основных положений, выдвинутых в книге.

По мнению А. Эймара, «таинственные силы» предопределяют судьбы государств и людей. «Случай правит людьми», войнами, союзами. «Таинственные силы» доставили возможность видеть грандиозный и необыкновенный подъем Рима (стр. 7). Ни о какой закономерности исторического процесса для автора не может быть и речи, что приводит его к субъективизму, случайному отбору фактов.

Так например, историю одних племен и народов, соприкасающихся с Римом, автор дает довольно полно (этруски, карфагеняне, галлы), других вскользь (греческие города в Италии), а историю третьих (италийские племена и народности, а также лигуры, иберы, ливийцы) совсем опускает. Этруски, карфагеняне и галлы попадают у автора в разряд самых крупных «западных деятелей» до Рима (стр. 6). Ранняя история Италии и греческих городов на ее территории дана в виде небольшого привеска в главе об «этрусской цивилизации». Итальянские же племена, а также лигуры, иберы и ливийцы вряд ли, по мнению автора, вообще заслуживают внимания историка (стр. 77). Автор произвольно опускает почти всю раннюю историю Рима: нет ни слова о раскопках на территории Лациума, возникновении города Рима, оформлении в Риме классового общества и государства. Случайные замечания автора о крестьянском характере раннего Рима (стр. 78 и 136) и возникновении патрициев и плебеев (их происхождение автор выводит из клиентеллы и патроната, ни словом не обмолвившись о том, что эта точка зрения была уже высказана Инэ и Моммзенем) вряд ли могут удовлетворить читателя. В главах, посвященных истории Римской Республики, Эймар останавливает свое внимание на двух основных проблемах: причинах и результатах завоевания Римом Италии и Средиземноморья и социально-экономических и политических последствиях этого завоевания. Отыскивая причины, толкавшие римлян к войнам и захвату чужих территорий, автор сводит их к авантюризму знати, стремившейся удовлетворить свой аппетит к могуществу, к власти. Не тяга к расширению «жизненного пространства», говорит автор, а жадность, боязнь иметь равные силы рядом, гордость, жажда золота, разнузданность полководцев и «народные крайности» — вот те основные причины, которые заставили римлян вести захватническую политику (стр. 87—88). Но если причины, заставившие римлян покорять другие страны, привлекли внимание А. Эймара, то ответа на вопрос, почему Риму удалось победить италийские племена и народности, Карфаген и эллинистические государства, в работе нет. Создается впечатление, что Рим обязан победами только своей военной организации (стр. 92). Внутреннее положение покоряемых стран автор во внимание не принимает. В результате произвольного подбора фактов совершенно искажена в работе картина демократического движения в республиканском Риме. В параграфе о «свободном крестьянстве» автор кратко излагает земельные законы Тиберия и Гая Гракхов, а затем Мария, Суллы и Цезаря (стр. 164—165), ни словом не обмолвившись о мощном народном движении, развернувшемся в Риме с конца II в. до н. э. Нет даже упоминания о Главции и Сатурнии, союзнической войне, законопроекте Сервилия Рулла, а вся деятельность Гракхов сводится к одной аграрной реформе. А ведь общеизвестно, что платформа демократического движения была много шире и включала ряд других требований. Вывод автора о том, что в результате аграрного законодательства в Риме была восстановлена мелкая

и средняя собственность и оформилась буржуазия (стр. 166), совсем не вытекает из изложения.

Кризис республиканского режима А. Эймар объясняет следующим образом: во всем виноваты завоевания, а сенат не сумел им воспрепятствовать. В результате появилась профессиональная армия, выдвинулись отдельные честолюбивые полководцы (стр. 129). Конкуренция этих вождей привела к анархии и гибели республиканского Рима (стр. 244). Интересно отметить то обстоятельство, что в книге имеется большая глава, посвященная изменениям в социально-экономической жизни римского общества, происшедшим в результате завоеваний (стр. 136—173). В этой главе автор довольно полно характеризует экономические сдвиги в римском государстве III—I вв. до н. э. и положение различных слоев общества в это же время. Однако к объяснению такого события, как гибель республики и установление империи в Риме, А. Эймар социально-экономические факты совсем не привлекает, опираясь в основном на политические и морально-психологические аргументы. Непонятным остается, с какой целью написана социально-экономическая глава, если она не помогла автору в объяснении важнейших событий римской истории в эпоху республики.

Возникновение и развитие колонатных отношений А. Эймар объясняет только одной причиной: дороговизной труда навоза за рабами (стр. 550). Такой важный вопрос, как застойность техники в сельском хозяйстве и ремесле, Эймар объясняет только неправильным руководством со стороны господствующих классов (стр. 313) и странным предубеждением римлян против предпринимателей (стр. 317). Вряд ли могут быть сомнения в том, что подобные умозаключения носят случайный характер и не смогут удовлетворить читателя. Подобных примеров можно привести множество.

В разделе, посвященном истории Римской империи, А. Эймар иногда привлекает факты социально-экономического порядка для объяснения некоторых событий. В особенности это относится к кризису III в., которому автор вообще уделяет большое внимание. Эймар справедливо указывает на то, что уже в середине II в. н. э. были заметны симптомы кризиса. Причины этого кризиса он усматривает в увлечении римлян городами. Деревня, по мнению автора, была принесена в жертву городу. Прогрессивный рост производства в государстве не был обеспечен: оборудование и методы работы не улучшались. Уменьшилось число рабов, так как войны стали редкими и не сопровождались захватом большого количества военнопленных. Прирост же свободного населения увеличивал не количество рабочих рук, а число горожан и армию (стр. 350—352). В результате расцвета городов происходит сокращение производства пшеницы; в римском мире основное внимание уделялось производству фруктов, вина и оливкового масла. Производство зерна во всех областях и районах государства было нерегулярным (стр. 314—315). В результате — угроза голода и кризисы. Таким образом, А. Эймар основную причину кризиса III в. и, в конечном счете, римской цивилизации, видит в привилегированном положении городов (стр. 596) и тяжелом положении деревни (стр. 597).

Основное положение А. Эймара об отсутствии поступательного развития производства с конца II в. весьма интересно, однако его выводы относительно причин кризиса часто требуют уточнения, иногда с ними трудно согласиться. Вряд ли можно, например, объяснять сокращение числа рабов прекращением войн. Ведь римляне захватывали пленных и в III в., но превращали их не в рабов, а в колонов. Очевидно, это было связано с тем, что труд рабов становился невыгодным, малопродуктивным. Остается неясным, почему свободное население сторонилось производства. На наш взгляд, А. Эймар преуменьшает размеры производства зерновых культур в римском государстве; основной его вывод о том, что кризис III в. и гибель всей римской цивилизации связаны с зерновой проблемой, вряд ли может быть доказан данными источников. Преувеличивает автор и роль городов в жизни Римской империи. Искусственным выглядят противопоставление античного города деревне: ведь античный город всеми своими корнями уходит в сельскую территорию, в земельную округу. Городская, муниципальная знать — это, прежде всего, землевладельцы и рабовладельцы, имеющие виллы на территории, приписанной к городу. Городская политика была связана неразрывными узами с интересами земельных собственников.

А. Эймар считает, что кризис III в. был первым экономическим кризисом, который знало человечество (стр. 468). Любопытна полемика автора с Ростовцевым, утверждающим, что военная анархия III в. — результат возмущения крестьян. По мнению Эймара, иллирийских императоров вдохновлял фанатичный патриотизм, стремление спасти империю и дело Рима, сыновьями которого они прежде всего себя чувствовали. Автор ставит им в заслугу то, что они устояли против «соблазна проявить симпатию к угнетенным» и «сумели понять, что ничего нельзя достичь без восстановления твердой дисциплины» (стр. 473—474). Эймар с удовлетворением отмечает, что народные массы в результате борьбы ничего не получили.

Интересна, но слабо аргументирована мысль Эймара, что провинции во время кризиса III в. вовсе не стремились к отделению от Рима. «Галльская империя» Тетрика обращала взор на пределение Рейна, а не Альп. Пальмира также акцентировала внимание на борьбе с персами, а не с Римом (стр. 466—467).

Во втором томе «Истории цивилизаций» авторы в значительной мере отступают от провозглашенного в первом томе принципа излагать историю малых стран и народов. Все изложение в работе подчинено возвеличению Рима, его роли как создателя грандиозного средиземноморского объединения. Главная заслуга Рима, по мнению Эймара, состоит в том, что он создал колоссальное социально-экономическое, политическое, моральное, административное единство (стр. 77, 81, 304, 407, 455, 501, 702). Кроме римлян, внимание Эймара привлекают лишь этруски, галлы и карфагеняне. Этруски интересуют автора лишь в связи с тем, что, начав, по его мысли, политическое объединение Италии, они подготовили моральное единство италийских народов (стр. 29). Карфагеняне привлекают внимание Эймара тем, что они создали «морскую империю» в Западном Средиземноморье» (впервые для Запада — стр. 33). «Африканское единство» было закреплено нумидийским царем Массиниссой (стр. 48—49).

Автор одного из томов по римской истории в более ранней французской серии «Peuples et civilisations» Пиганьоль полагал, что историю Рима нельзя понять без знания истории народов, с которыми Рим сталкивался¹, и частично излагал эту историю. Эймар занимает в этом вопросе иную позицию, считая, что народы центральной Италии, лигуры, иберы, ливийцы, не могут интересовать историка (стр. 77). Италийские племена, греки, население всех провинций остались почти совершенно (если не считать беглых, отрывочных замечаний по ходу изложения материала) вне поля зрения А. Эймара.

Автор особенно подчеркивает моральное единство, которое, по его мнению, было закреплено римлянами (стр. 302, 304, 406, 471 и др.) и которое он ценит выше материального (стр. 466). Однако остается неясным то конкретное содержание, которое автор вкладывает в понятие «моральное единство». Нужно отметить, что он склонен к морально-психологическим рассуждениям и некоторые страницы его труда напоминают повествование Тита Ливия (осуждение завоеваний, слепота сенаторской знати, порча нравов в Риме в конце республики и т. д., и т. п.).

Эймар настойчиво проводит мысль об унификации, нивелировке, проделанной Римом в завоеванных областях. Могущественная римская цивилизация, по его утверждению, поглотила полностью все местные особенности развития. Слияние народов приводит, по мнению автора, к возникновению единой римской нации (стр. 330). Эймар подчеркивает грандиозную «воспитательную» работу римлян среди покоренного населения (стр. 77—78). Впервые в истории человечества, говорит он, победители (римляне) подняли покоренных до своего уровня и ассимилировались с ними (стр. 104, 600). Тенденция к крайнему романоцентризму наиболее ярко сказалась у Эймара в том, что в рецензируемой книге нет ни раздела, ни главы, посвященной истории римских провинций.

Нет сомнения в том, что римское влияние в завоеванных областях было весьма значительным. Однако Эймар явно преувеличивает роль унификации, проделанной Римом в провинциях, односторонне подчеркивает положительные результаты присоединения народов к Риму, опуская оборотную сторону медали — страдания миллионов

¹ A. P i g a n i o l, La conquête romaine, P., 1944, стр. 2.

людей, уводимых римлянами в рабство, борьбу племен и народностей за возвращение своей свободы и независимости. Вряд ли могут быть сомнения в том, что местные культуры сохранялись в период римского завоевания.

Взгляды А. Эймара на сущность римского государства и на классовую структуру его общества отражают модернистские тенденции. Хотя автор на стр. 33 своей работы предостерегает читателя от отождествления античного империализма с современным, однако в дальнейшем он никаких разъяснений по этому поводу не делает и читатель остается в полном неведении относительно конкретных различий между тем и другим. Термин «империализм» автор употребляет очень часто, применяя его как к политическим (стр. 81 сл.), так и к экономическим отношениям (стр. 30). Рим в представлении автора был капиталистическим государством. После кризиса III в., по мнению Эймара, наступает период государственного капитализма (стр. 534). В римском государстве автор видит те же слои населения, что и в современном буржуазном обществе: мелкая буржуазия (стр. 328, 344), средняя буржуазия (стр. 174, 333), крупная (сенаторская) буржуазия (стр. 344), пролетариат (стр. 168), фермеры (стр. 319, 325, 346). Автор полагает, что основным результатом исторического развития в период римской республики было зарождение италийской муниципальной буржуазии, так называемого среднего класса (стр. 174). Благодаря этому классу императорский режим имел успех в Риме. А. Эймар придает необычайно большое значение той роли, которую играла муниципальная буржуазия в жизни римского государства, считая ее основой коллективного интереса (стр. 470), носителем наивысшей формы демократии (стр. 133). Именно муниципальная буржуазия поставляла кадры для управления государством; выходцы из ее среды обновляли верхушку господствующего класса. А. Эймар неоднократно повторяет мысль о том, что величайшим достижением императорского режима в I—II вв. н. э. является возможность восхождения по социальной лестнице (стр. 325, 538 и др.) и обновления сенаторской знати. После кризиса III в. положение, по мнению автора, резко изменилось. Средний класс (муниципальная буржуазия) терпит поражение (стр. 538) и исчезает (стр. 512), что неблагоприятно сказалось на положении римского государства. Нетрудно заметить, что взгляды А. Эймара на классовую структуру римского общества очень напоминают основные положения Ростовцева¹.

Обращает на себя внимание отношение Эймара к низшим слоям населения римского общества и к покоренным римлянами племенам и народностям. Создав свой идеал в образе муниципальной буржуазии, автор полагает, что римские императоры совершенно правильно стремились укрепить средний класс, чтобы создать противовес низшим классам, «устраивавшим волнения и некультурным» (*turbulentes et incultes*). Эймар постоянно пренебрежительно называет народ грубым, невежественным, морально бедным (стр. 171—172, 327—328). Автор обрушивается на городской пролетариат, обвиняя его в том, что он не желает трудиться (стр. 168). Между тем общеизвестен тот факт, что конкуренция дешевого рабского труда, а не моральные качества античного пролетариата была причиной его праздности и паразитизма. По мнению Эймара, народным массам в III в. нехватало идейных вождей, но, будучи очень грубыми и невежественными, они вряд ли поняли бы этих вождей, если бы таковые оказались (стр. 474—475). С презрением относится Эймар к народностям, которые не создали крупных объединений и попали под власть римлян (стр. 30, 77). Идеализация среднего класса («муниципальной буржуазии») и пренебрежительное отношение к трудящимся массам и туземному населению ярко характеризуют консервативную, если не прямо реакционную, направленность работы А. Эймара.

Почти треть книги посвящена истории религии и культуры. Автор довольно подробно рассказывает о верованиях и религиозных культурах римлян. Оставляет желать много лучшего изложение истории христианства. А. Эймар совсем не поставил вопроса о причинах кризиса языческой религии, проникновения восточных культов в Рим, возникновения и распространения христианства. Это один из самых неубедительных разделов книги. Автор не пытается выявить составные части христианского вероуче-

¹ M. R o s t o v t z e f f, A History of the Ancient World, Oxford, 1933.

ния и проследить изменения в социальном составе христианских общин. Он необычайно доверчив к ранним христианским памятникам и, совершенно не учитывая результатов их научной критики, дает традиционное церковное изложение всех событий, связанных с личностью Христа, возникновением христианства в I в., первыми гонениями на христиан. Личность Августина Эймар идеализирует. По его словам, Августин мечтал о победе «града божьего» и гибель Рима не имела для него никакого значения (стр. 582). Между тем Августин обращал свои взоры не только и не столько к «вышнему граду», сколько деятельно боролся с внешними и внутренними врагами Римской империи. Он не мыслил земное существование людей после гибели римского государства, боялся этой гибели и прилагал все усилия к тому, чтобы укрепить, увековечить существовавший в Риме порядок вещей.

Много внимания А. Эймар уделяет истории литературы и искусства как республиканского, так и императорского Рима. Творчество всех писателей и поэтов нашло отражение в книге. Высокую оценку дает автор времени Августа, когда римская культура получила широкое распространение и возникло культурное единство всех областей и стран, завоеванных Римом (стр. 406). А это культурное единство, по мнению автора, послужило основой для единства политического, административного, экономического и социального (стр. 407). После Августа наблюдается понижение качества литературы, однако причин этого явления автор не указывает (стр. 416). Ренессанс римской литературы во второй половине IV в., творчество Претекстата, Симмаха, Макробия, Флавиана и других писателей этого времени А. Эймар объясняет главным образом языческой реакцией, начавшейся при императоре Юлиане (стр. 578). Сведения, сообщаемые автором по истории литературы и искусства, хотя и обширны, однако в общем носят справочный характер и мало чем отличаются от сведений, имеющихся в любом справочнике, в любой популярной работе по римской литературе. В книге отсутствует какой-либо анализ произведений, не выявляются исторические причины расцвета культуры или ее упадка в различные периоды римской истории.

В разделе о Восточной Азии, принадлежащем перу Ж. Обуайе, приведен обильный, свежий и интересный фактический материал, характеризующий экономическую, социальную и культурную жизнь Индии и Китая в первые века нашей эры. Вместе с тем анализ этого материала не может удовлетворить читателя. Если в эпоху Хань, по мнению автора, в Китае был феодализм (стр. 655, 657, 666), то совершенно невозможно понять, какой строй был в это же время в Индии. Мало понятным является утверждение Обуайе, что в конце эпохи Хань (между 150 и 250 гг. н. э.) в Китае происходил рефеодализация общества (стр. 665). Автор не пытается выявить социально-экономические причины, обусловившие крушение династии Хань в III в., сводя всю историю этого периода к политической борьбе партий и ослаблению императорской власти (стр. 665—666).

Трудно согласиться с оценкой автором реформ Ван Мана. У Ж. Обуайе здесь не сходятся концы с концами. Сначала она сравнивает Ван Мана с Христом, «который осуждал плохих богачей так же, как и Ван Ман, его современник», и утверждает, что Ван Ман установил аграрный социализм (стр. 609). А на стр. 669 автор указывает, что нельзя говорить об опыте социализма и что Ван Ман был больше интриган и честолюбец, чем идеалист, преданный интересам народа (стр. 664). Ни первая, ни вторая характеристики не отражают действительного положения вещей и могут только запутать читателя.

Книга носит заглавие «Рим и его империя». Читатель не в праве требовать, чтобы в ней был помещен раздел о Восточной Азии. Наличие этого раздела в данной работе вызывает известное недоумение. Если истории Рима в томе отведено 600 стр., то истории Индии и Китая — всего 100 стр. Излагать историю крупнейших восточных цивилизаций в виде привески к основному материалу по истории Рима вряд ли целесообразно. Они имеют право на более полное и систематическое освещение. Ни во введении, ни в заключении к тому А. Эймар ни словом не обмолвился о месте и роли этих цивилизаций в истории человечества.

Вряд ли правомерно отсутствие в томе политической истории. Ведь книга расчи-

тана на среднего любознательного читателя, который по беглым замечаниям в книге может неправильно понять и истолковать важнейшие события римской истории. Многие важные факты, как ясно из вышесказанного, останутся ему совсем неизвестными.

К сожалению, в книге не выдержан принцип синхронного изложения событий. Он проведен только в хронологической таблице, приложенной в конце книги. Если история римского государства излагается с III в. до н. э., то история Восточной Азии — только в первые века уже нашей эры.

Том содержит интересный, обильный и свежий фактический материал; его построение оригинально. Однако многое в книге требует более убедительных доказательств а с рядом положений, равно как и с методологией авторов, нельзя согласиться.

Н. И. Голубцова

J. VAN OOTEGHEM, Pompée le Grand bâtisseur d'Empire, Bruxelles, 1954, 665 стр.

Рецензируемая книга представляет собой фундаментальное исследование, написанное на основе огромного материала источников и литературы. Монография снабжена библиографией объемом в двадцать страниц.

Книга Оотегема является по существу общей работой по римской истории, охватывающей период с III до середины I в. до н. э. Специальное же внимание в работе уделяется последним годам республики, событиям этого бурного периода.

Читатель найдет здесь богатый материал по военной истории Рима, изложение которой дается в связи с биографией Гнея Помпея: борьба Помпея с марианцами, его сражения с Лепидом, Серторием, со Спартаксом — все это, по мнению автора, только блестящие военные кампании Гнея Помпея, и мы напрасно стали бы искать у него объяснения внутренних причин, обусловивших эти события.

По мнению Оотегема, существовала прямая связь между расширением границ римского государства и созданием империи, в чем, как полагает автор, заключается особая заслуга Помпея (стр. 283, 648). Используя большой материал разнообразных источников, Оотегем сообщает мельчайшие подробности сражений, приводя цифры относительно оснащения флота и сухопутных войск обеих сторон (стр. 172—173). Известный интерес представляет исследование Оотегемом статута Помпея об Азии (стр. 244—253). Основываясь главным образом на данных Страбона и письмах Плиния Младшего к Траяну, используя известные источники (Цицерона, Плутарха, Аппиана, Евтропия), Оотегем исследует организованные Помпеем одиннадцать политей, и типы их администраций.

Последние главы монографии: «Начало гражданской войны», «Цезарь завоевывает Италию», «Цезарь в Галлии и в Испании», «Диррахий», «Фарсалы» (стр. 468—641), посвященные взаимоотношениям Цезаря и Помпея и развернувшейся между ними борьбе, также содержат обширный материал по военной истории, интересные подробности наиболее примечательных сражений, схемы, фотографии и контурные карты.

Большое место в монографии занимает и внутренняя история Рима: излагается общий ход событий и та острая политическая борьба, которая происходила в Риме в последние годы республики. Но события скорее описываются, чем анализируются. На основе хорошо известного и определенным образом подобранного круга источников Оотегем комментирует события этого времени в плане показа личности Помпея. Его деятельность представляется Оотегему чрезвычайно важной для укрепления римского государства, оказывающей решительное влияние на ход политических событий.

Какова же концепция автора? Как видно уже из заглавия книги, Оотегем поставил себе цель написать о Гнее Помпее как о строителе империи. Проблема роли диктатуры Помпея в создании предпосылок для возникновения императорского режима